

ЭМЕРИ ЛОРД

ЭМЕРИ ЛОРД

МИГ
СТОЛКНОВЕНИЯ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Л78

Серия «Настоящая сенсация!»

Emery Lord

WHEN WE COLLIDED

Перевод с английского *Ю. Фокиной*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения литературных агентств
Taryn Fagerness Agency и Synopsis Literary Agency.

Лорд, Эмери.

Л78 Миг столкновения : [роман] / Эмери Лорд; [пер. с англ. Ю. Фокиной]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 320 с. — (Настоящая сенсация!).

ISBN 978-5-17-100603-7

Семнадцатилетний Джонас Дэниелс жил, не зная забот, пока внезапно не умер его отец. Теперь на плечи растерянного юноши легли заботы о матери, братьях и сестрах и семейном ресторанчике...

Но все меняется, когда в город приезжает яркая Виви Александр, девушка, буквально заражающая всех вокруг любовью к жизни. Она с легкостью покоряет Джонаса и его родных. Однако спустя какое-то время любовь Виви к острым ощущениям начинает пугать Джонаса, и он понимает, что их отношения вновь и вновь подвергаются испытаниям. Но достаточно ли одной любви, чтобы их пройти?..

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-100603-7

© Emery Lord, 2016

Школа перевода В. Баканова, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

*Моим родным — от меня,
плывущей вперед*

Глава 1

Виви

Даром что в первый день стало ясно: Верона-ков — это любовь, я выждала семь дней, прежде чем отметить-ся. Минула неделя, и вот она я — прямо посреди города вырезаю свое имя на дереве. Между прочим, ковырять карманным ножиком древнюю кору гораздо труднее, чем можно подумать. На тринадцать букв ушло три часа; по крайней мере, такое у меня ощущение. К счастью, в темное время суток Ирвинг-парк не патрулируют — впрочем, равно как и другие места. Наверняка Верона-ков не видел преступления страшнее, чем салфетка на траве. Причем тот, кто эту салфетку обронил, честно гонялся за ней да не поймал. Унесенная ветром салфетка превратилась в мусор.

И вот еще что: я совсем не прочь попасться, ведь дело сделано, память обо мне будет хранить дерево, которое старше любого из жителей Верона-ков — а их три тысячи пятьдесят один человек. После меня останется ко-ржавая строка:

Здесь была Виви.

Ручная работа как-никак; довольная, похлопываю надпись. Ну да, я совершила акт вандализма, только это — преступление на почве страсти. Парк ничуть не сердится, потому что чувствует мою любовь. Даже тща-

тельно подстриженная трава, даже скамейки, заклеенные объявлениями, и те чувствуют.

Выбираюсь на дорожку, топаю к выходу. А здорово я сегодня припозднилась. Солнце уже виднеется над линией горизонта, и тени от деревьев прямо кружевные. Здесь, в Верона-ков, каждый дюйм пространства занят цветами. Фуксии розовеют на шпалерах, форзиции полыхают ярко-желтыми кострами. Сверху летят бледно-розовые лепестки — деревья разоблачаются, ни дать ни взять бурлеск-шоу, замедленная съемка.

Вот поэтому я и хочу остаться здесь навсегда, а не только на лето. Маме я объяснила: по сравнению с Верона-ков Гавайи — просто плавучая куча мусора. Вообще-то я на Гавайях не была, но видела фотки. Верона-ков — крохотный приморский городишко, ему самое место где-нибудь на Атлантическом побережье, например в Массачусетсе или в Северной Каролине, а он придулился на калифорнийском горбу, в самую выемку забрался. Мне довелось в разных городах пожить, так что поверьте: Верона-ков на другие не похож. Здесь улица с викторианскими домиками ведет к тропическому лесу, который, в свою очередь, ведет к Шангри-Ла. Каждая мелочь на своем месте, будто это не настоящий город, а съемочный павильон. Хочется пощупать и крашенные решетки, и винтажные почтовые ящики, и уличные фонари, круглые, белые, будто Луны. Всюду чисто, но чистота не изначальная, а обжитая, которую наводят регулярно и любовно.

Район, где расположены магазины, представляет собой этакую сетку — три пересекающиеся улицы, с Мейн-стрит посередине. Каждое утро я прохожу мимо внушительного кирпичного ресторана и двух магазинов — хозяйственного и книжного. Направляюсь к зданию, возле которого стоит рекламный щиток. На нем розовым мелом, от руки, написано «Закусочная “У Бетти”», а ниже,

печатными буквами, добавлено «Лучшие завтраки по версии “Дейли Газетт”». Еще ниже идет меню — дежурные и фирменные блюда. В витрине кофейни представлен аналогичный сертификат — «Лучший кофе по версии “Дейли Газетт”». Верона-ков — город маленький, каждое заведение — в единственном числе. Одна аптека, один бакалейный магазин, один магазин «Всё для творчества». То есть конкуренции никакой; но мне нравится, что здесь нашли время похвалить всех частных предпринимателей.

Над дверью закуской болтаются колокольчики, они звенят, сообщая о моем появлении. В нос бьет сразу несколько запахов — кленового сиропа, кофе, перченых колбасок. Я сюда вот уже в седьмой раз захожу — потому что больше позавтракать негде и потому что мне на новом месте не спится.

Поскольку сегодня я задержалась, в закуской полно тех, кому за восемьдесят. Седые головы покачиваются над голубыми виниловыми перегородками — будто облака по небу плывут.

Сама Бетти стоит за стойкой, щелкает на кассовом аппарате.

— А, привет, плюшечка медовая! Секундочку подожди.

Наверняка у Бетти в голове имеется пара игральные костей, на которых вместо точек вытравлены слова вроде «сладенькая», «дорогуша» и «детка». Входит очередной клиент, Бетти бросает кости и смотрит, какое слово/слова выпадут: «медовая плюшечка», «пончик», «сахарный пупсик». Каждое утро для меня выпадает новая комбинация, и мне это нравится. Ласковое прозвище — как печенье с предсказанием в моем любимом китайском ресторане. Конечно, я туда не ради предсказаний ходила, но без них было бы не так интересно.

Бетти выскакивает из-за стойки с упакованным ланчем в руках.

— Подожди минутку, сейчас какой-нибудь столик освободится.

Не буду я ждать; я уже заметила, кому составлю компанию. Вон тому пожилому человеку в тонком свитере.

— Ничего, я подсяду к офицеру Хайаши.

Бетти смотрит так, словно я похвалилась: сейчас выдрессирую тигра, будет на задних лапах ходить и блинчики мне подносить.

— Видишь ли, детка, офицер Хайаши предпочитает завтракать в одиночестве. И обедать тоже. И ужинать.

— Это не беда.

Я улыбаюсь Бетти; мне известно то, что неизвестно ей. Офицер Хайаши вовсе не грубиян.

На третье утро я шла в закусочную и вдруг вижу: в полицейском фургоне сидит немецкая овчарка, вся такая остроугольная, настороженная, вся как струна. Я прильнула к треснутому окну и спрашиваю:

— За что они тебя загребли, красавчик?

А пес на меня смотрит гордо и невозмутимо — он же при исполнении.

— Уж, конечно, не за оскорбление и не за драку, правда, милый? Ты для этого слишком хорошо воспитан. Но и не за контрабанду. Ты не такой, да? А, поняла! За воровство. Что же ты стащил? Неначатую пиццу со стола? Или именинный пирог прямо из-под носа у бедной малютки? Сразу видно — ты тот еще сластена.

Пес принялся колотить хвостом по сиденью. И тут позади меня кто-то выдал вполголоса:

— Куриные крылышки без косточек с ямайским соусом. Это ее слабость.

Значит, это девочка. Вот я опростоволосилась! А хвостом она била, потому что увидела своего напарника —

седого полицейского. Он приблизился, и я прочитала фамилию на серебряном бейджике: «Хайаши».

— Она не под арестом. По крайней мере, пока.

Хайаши хлебнул кофе из стаканчика с логотипом закуской «У Бетти».

— Ну конечно, я понимаю: она на дежурстве. Я просто хотела ее подразнить. Не сдержалась. Обожаю собак, а ваша — просто сокровище. Я в собаках разбираюсь.

— Да, она славная девочка. Ты же славная девочка, Бабс, верно?

— Как-как ее зовут?

Я буквально прыснула. Что за кличка для полицейской собаки! Была бы она мальчиком — ее бы звали Рекс, или Мэверик, или Айс.

— Это уменьшительное от Кубаба.

Еще того не легче. Я скрыла удивление и сказала овчарке:

— Рада познакомиться с тобой, Кубаба.

Потом я протянула руку полицейскому:

— Кстати, меня зовут Виви.

Он пожал мне руку.

— Надеюсь, ты законопослушная гражданка?

Я ответила ему в тон, с улыбкой:

— Не была, не участвовала, не привлекалась. По крайней мере, пока.

Потом, дома, я погуглила имя «Кубаба». И теперь я понимаю, что за человек офицер Хайаши, и знаю — он будет со мной добр.

Подхожу к столику, говорю:

— Доброе утро!

Офицер Хайаши занят кроссвордом, пишет в клеточках синей ручкой.

— Я — Виви. Ну, помните, я еще подумала, что ваша собака арестована?

Он поднимает глаза, смотрит с подозрением — ждет подвоха.

— Помню.

— Кубаба, — продолжаю, — была единственной шумерской царицей, которая правила сама, без мужа. Она — единственная женщина, указанная в шумерском царском списке.

На лицо офицера Хайаши выползает улыбка.

— Значит, ты специально выясняла.

Самцов немецких овчарок натаскивают горло преступникам перегрызать, и офицер Хайаши назвал свою девочку так, чтобы было понятно: она им ровня.

— Могу я к вам подсесть?

Он озирается, явно ищет свободное местечко, чтобы меня переадресовать. Я мило улыбаюсь, жду, когда он сдастся. До сих пор все сдавались.

Офицер Хайаши переводит глаза на меня:

— Конечно, ты *можешь* ко мне подсесть.

Гм. Старая уловка. Предполагается, что я спрошу по-другому: «*Можно* мне к вам подсесть?»

Но я просто проскальзываю за столик офицера Хайаши, плюхаю на сиденье сумку. И добряк Хайаши не знает, что со мной делать.

— Ты точно не была под арестом? Больно уж ты бойкая. Типичная правонарушительница.

Я бью себя кулаком в грудь:

— Ну что вы! Я ужас какая законопослушная!

Очень стараюсь не расхохотаться. Если бы даже офицер Хайаши застукал меня за резьбой по живому дереву, он бы мне ничего не сделал, потому что у него вся суровость — напускная. Он утыкается в свой кроссворд, я открываю альбом для эскизов на той странице, над которой вчера вечером трудилась. Вдохновительное слово написано вверху, подначивает меня. Ваби-саби. Сначала я думала изобразить простое розовое платье из шел-

ка-сырца, и чтобы подол был невоерлоченный. Но увлеклась, и вот на листке — девушка с цветущими ветками вишни в руках, и розовые лепестки разлетаются, будто она кружится.

Я начинаю новый рисунок на том же развороте, время от времени кошусь на офицера Хайаши. Когда он не знает, какое слово вписать, он грызет ручку и буравит глазами газету, словно она способна испугаться и со страху выдать правильный ответ.

— Привет, куколка, — говорит Бетти, наливая кофе в мою кружку.

Конечно, я пью кофе только ради вкусовых ощущений; в чем в чем, а в кофеине у меня потребности нет. Я почти все в жизни для того делаю, чтобы аромат уловить, а вовсе не из необходимости.

— Ну, что — сегодня вафли заказываем? — уточняет Бетти с логическим ударением на «вафли».

В первое утро я заказала первое блюдо из меню — омлет классический. Решила пробовать все по порядку. Омлеты уже пройдены.

— Да, да, вафли! Наверняка они восхитительны!

— Ваш заказ, Пит.

Бетти ставит тарелку на стол. Глазунья с хрустящим беконом на теплой булочке. Просто слюнки текут. Я до этого блюда еще не дошла.

— Ну-с, — офицер Хайаши берется за вилку. — Как жизнь, Мэрилин Монро?

Касаюсь своих кудрей.

— Никакая я не Мэрилин. Я — это я.

Офицер Хайаши занят яичницей, соглашается не глядя.

— Ты так ты.

А что, разве нельзя? В последние месяцы я немного потолстела, стала девушкой с формами. Ну и подумала: если когда и краситься в платиновую блондинку, если

когда и подстригать волосы пониже ушных мочек, то сейчас — самое время. Словом, я развела краску, приготовила смесь для перманента — и вот результат. Про Мэрилин Монро я ничего не знаю, а кудряшки пляшут от ветерка, и голове пушисто и легко. Вздумается лесным феям позвать меня в свой круг — а я уже готова. Ну и понятно, что к прическе «под Мэрилин» нужны ярко-красная помада и такой же лак для ногтей.

Я читала, у животных окраска служит либо для маскировки (называется мимикрией), либо для того, чтобы предупреждать хищников или привлекать партнеров. Ха! Пожалуй, мои красные губы, нарумяненные щеки и платиновый перманент выполняют все три функции. Или я просто люблю перевоплощения.

Бетти приносит вафли. Отодвигаю блокнот, чтобы освободить место; вооружаюсь вилкой. Это разгул углеводов какой-то; это блаженство. Тесто, золотистое от сливочного масла; густой иней сахарной пудры.

Офицер Хайаши уставился в мой блокнот, остатками булочки подчищает желток.

— «Ваби-саби». А ты знаешь, что это такое?

— Насколько я понимаю, — говорю я с важным видом, — «ваби-саби» — слово непереводаемое. «Ваби» может означать «простой», или «абсолютный», или «преходящий». «Саби» — это что-то вроде «увядший». Или «увядающий». Короче, старый. Вместе «ваби» и «саби» означают «видеть красоту в безыскусности и естественности». В мимолетности. И даже в увядании.

Офицер Хайаши одним глотком допивает кофе.

— Откуда ты все это узнала?

— От подруги.

Имею ли я право по-прежнему называть Руби подругой? Мысленным взором я постоянно вижу ее: черные волосы, рваная челка, густо-розовая помада. Я так скупаю по ней и по ее родным, что впору завывать.

— Прошлой весной мама моей подруги участвовала в мультимедийном шоу. Сравнивала японское представление об эстетике, на котором ее воспитывали, с западным представлением об эстетике, которое изучала в колледже.

Прежде чем офицер Хайаши успеваешь отреагировать, я со вздохом киваю на нарисованное платье и вишневые ветки.

— Вот, пытаюсь перенести некоторые положения японской эстетики в мир моды. Правда, для меня лично они не годятся. В одежде я предпочитаю раскрепощенность и дерзость. Наверно, я, когда наконец-то попаду в Японию, буду следовать уличной моде. А вы бывали в Японии?

— Нет, не пришлось. Но мне... — Хайаши медлит, достает деньги из бумажника, — мне всегда хотелось поглядеть на Кинкаку-дзи.

— На Золотой Павильон?

Хайаши кивает.

— Моя мать рассказывала о нем буквально с благоговением.

— Почему ж вы не побывали в Японии, раз вам так хочется?

— Не знаю. Закрутился. То одно, то другое...

Офицер Хайаши надевает потрепанную бейсболку и, не прощаясь, выходит из-за стола.

Я тоже не задерживаюсь в закусочной. Перед работой надо еще кое-что сделать.

Ежедневный ритуал. Верона-ков расположен выше уровня моря, так что, если идти все время на запад — не важно, по какой именно улице, — выйдешь на обрывистый берег, к скалам. Некоторые нависают прямо над океаном, другие спускаются к воде более плавно. Калифорнийское побережье представлялось мне оживленным, с серферами, ловящими волну, с разноцветными